

исполнится 75-лѣтіе со дня открытія *правленія* Саратовской духовной семинаріи.

25-го сентября 1830-го года Саратовскій Преосвященный Моисей сдѣлалъ только что прибывшему въ Саратовъ на должность инспектора семинаріи іеромонаху Іоанну предложеніе слѣдующаго содержанія: «Хотя назначенные во вновь открываемую семинарію ректоръ и другіе учаніе кромѣ васъ сюда не прибыли, но время настоятъ открыть оную. Посему для начатія приготовительныхъ распоряженій къ открытію семинаріи поручаю вамъ до прибытія ректора семинаріи исправлять должность его и на основаніи училищнаго устава избрать изъ здѣшняго духовенства эконома семинаріи и представить ко мнѣ на утвержденіе.»

Въ силу такого распоряженія Преосвященнаго, о. инспекторъ семинаріи сдѣлалъ представленіе, въ которомъ указалъ на учителя духовнаго училища и священника церкви Нерукотвореннаго Спаса Іакова Сибѣжницкаго, какъ на достойнаго кандидата въ эконома семинаріи.

На этомъ представленіи Преосвященный Моисей въ тотъ же день наложилъ слѣдующую резолюцію: «Утверждается. Теперь открыть семинарское правленіе, избрать письмоводителя и дѣйствовать на основаніи училищнаго устава. При семъ препровождается отношеніе съ копіями Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита къ должному исполненію.»

26-го сентября того же года состоялось первое засѣданіе правленія духовной семинаріи. Правленіе состояло всего изъ двухъ членовъ: исправляющаго должность ректора семинаріи, инспектора іеромонаха Іоанна и эконома, священника І. Сибѣжницкаго. На собраніи присутствовалъ проосвященный Моисей.

На этомъ первомъ засѣданіи правленія постановлено: 1) объ открытіи семинарскаго правленія дать знать Саратовской духовной консисторіи, саратовскому губернскому Правленію и Пензенскому семинарскому правленію и 2) предписать начальникамъ низшихъ духовныхъ училищъ—Саратовскому, Петровскому и Камышинскому, чтобы они со всѣми дѣлами, съ которыми ранѣе обращались къ Пензенскому семинарскому правленію, на точномъ основаніи училищнаго устава, обращались теперь въ правленіе Саратовской семинаріи.

На этомъ первомъ актѣ правленія Саратовской духовной семинаріи рукою преосвященнаго Моисея написано: «Богъ да благословитъ сіе благое начинаніе».

Открытие самой семинаріи послѣдовало, спустя мѣсяцъ послѣ открытія правленія, 26-го октября. Такимъ образомъ 26-го октября текущаго года исполнится 75-лѣтіе со дня открытія Саратовской духовной семинаріи. По этому поводу мы на страницахъ «Саратовскаго Духовнаго Вѣстника» намѣрены представить краткій историческій очеркъ Саратовской духовной семинаріи.

Еще по поводу замѣтки „Саратовскаго Дневника“: „На экзаменѣ“. По постановленію Камышинскаго Отдѣленія Сар. Епар. Училищнаго Совѣта 5-го мая текущаго года въ селѣ Саламатинѣ испытательной комиссіей подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго о. Благодѣянаго были произведены экзамены учащимся: саламатинской, рыбинской и гусевской церковныхъ школъ. Въ испытаніи участвовали священники завѣдующіе этими школами и учаніе.

Въ № 102 „Саратовскаго Дневника“ отъ 22-го мая корреспондентъ этой газеты вотъ что повѣдалъ читающей публикѣ о томъ, какъ происходилъ экзаменъ въ церковной Саламатинской школѣ.

„Въ общемъ, сообщаетъ корреспондентъ, экзаменующіеся отвѣчали довольно бойко. Случалось, что ученики рѣшали задачи гораздо быстрее самихъ экзаменаторовъ. Получалось очень неловкое положеніе: когда ученикъ говорилъ рѣшеніе задачи, экзаменаторъ, дававшій задачу, довольно долго не могъ ему отвѣтить, вѣрно рѣшена задача или нѣтъ и искалъ помощи у другихъ членовъ комисіи. Былъ и такой случай. Одинъ изъ экзаменаторовъ вздумалъ дать для письменнаго рѣшенія задачу „собственнаго издѣлія“. Когда условія задачи были уже записаны на доскѣ, экзаменаторъ попросилъ стереть эту задачу, объясняя ученицѣ, что изъ этой задачи вредъ ли что выйдетъ“.

„При чтеніи по церковно-славянскому языку (читали Евангеліе) экзаменаторы снова сконфузились“.

Когда одна дѣвочка, по сообщенію корреспондента, правильно читала по Евангелію: „бервна же, еже есть во ѡбѣ твоемъ, не чуеши“, экзаменаторы два раза „единогласно“ заявляли ей, „что она читаетъ не вѣрно“. Смutilo ихъ, по его увѣренію, слово „бервно“. По мнѣнію экзаменаторовъ „нужно было бы читать не бервно, а попросту,—брвно“... Когда же одной изъ учительницъ имъ было объяснено, что брвно по-славянски называется „бервно“, экзаменаторы растерянно-вопросительно уставились другъ на друга и въ недоумѣніи пожимали плечами: „что-де за диво! чуть не каждый день читаемъ Евангеліе, а такой простой вещи не знаемъ!!!“.

Таково газетное сообщеніе.

Присутствуя на этомъ экзаменѣ въ качествѣ завѣдующаго одной изъ экзаменуемыхъ школъ и экзаменатора и зная подлинно, какъ велось дѣло при испытаніи, мы, при чтеніи означенной статьи, были глубоко возмущены лживостію сообщенія.

Думалось вскорѣ же заявить печатно о ея лживости, но многія причины воспрепятствовали этому. Съ теченіемъ времени возмущенное чувство правды успокоилось, непріятное чувство незаслуженной обиды всей комисіи, да къ тому же обиды публичной, улеглось и корреспонденція была забыта.

Но вотъ вышелъ № 21 б. мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ которомъ помѣщена статья священ. Н. Иванова по поводу этой газетной замѣтки. О. Ивановъ не былъ на экзаменѣ и не зналъ о самомъ ходѣ ихъ, но внутренняя несообразность и неправдоподобіе замѣтки побудили его отнестись изложенное въ ней къ области фантазіи и модной клеветѣ на духовенство.

О. Иванову возражаетъ г. „Слово“ въ № 155, „Саратовскаго Дневника“: „Не слѣдуетъ голословно отвергать фактъ, имѣвшій въ дѣйствительности мѣсто“. „Слово“, совѣтуя о. Иванову „провѣрить фактъ и убѣдиться въ полной его досто-

вѣрности“, замѣчаетъ въ скобкахъ: „въ этомъ мы не сомнѣваемся“.

Чтеніе этихъ статей снова возбудило чувства, испытанныя при первоначальномъ чтеніи замѣтки автора „Мы“.

Для установленія истины и обличенія лжи считаю нужнымъ, какъ очевидецъ упоминаемыхъ экзаменовъ, сообщить точныя свѣдѣнія о ихъ ходѣ.

За исключеніемъ правильныхъ предварительныхъ указаній въ сообщеніи „Мы“ о времени и мѣстѣ экзаменовъ, объ экзаменуемыхъ школахъ, экзаменаторахъ и о присутствіи постороннихъ лицъ на экзаменѣ,—остальное сплошная неправда.

„Въ общемъ, экзаменующіеся отвѣчали довольно бойко“.

Такъ, да не совѣмъ! Если и можно отчасти утверждать, что экзаменующіеся отвѣчали довольно бойко, то исключительно только объ ихъ отвѣтахъ по Закону Божію, русскому языку и славянскому чтенію, но никакъ нельзя этого же сказать объ отвѣтахъ ихъ по ариѳметикѣ. О бойкости отвѣтовъ и по вышеуказаннымъ предметамъ можно говорить только отчасти. Думается, что по вѣсѣмъ предметамъ можно было бы ожидать отъ испытуемыхъ отвѣтовъ лучшихъ. Позднее время (5-го мая) назначенія экзаменовъ, когда учащіеся менѣе всего думаютъ о занятіяхъ, дневная жара и напряженное ожиданіе экзаменовъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, причины препятствующія учащимся свободно выражать свои знанія. Хотя съ утра 5-го мая дулъ холодный вѣтеръ, но во время испытанія было ужь довольно жарко.

По ариѳметикѣ, требующей сравнительно большаго напряженія ума, экзаменующіеся отвѣчали вообще вяло, не рѣшительно, постоянно нуждаясь въ наводящихъ вопросахъ и поучканіи.

„Случалось, что ученики рѣшали задачи гораздо быстрее самихъ экзаменаторовъ. Получалось очень не ловкое положеніе“ и т. д.

По-истинѣ возмутительная ложь!

Смѣю увѣрить, что ничего подобнаго не случалось. Положительно ни одного не было случая, по которому можно было бы судить о такой быстротѣ, да еще гораздо.

Задачи давались исключительно устные. Исходя изъ правильного убѣжденія, что съ карандашомъ и бумагой ученики мало будутъ имѣть дѣла внѣ школы, предсѣдатель ограничивался задачами устнаго рѣшенія.

Предсѣдатель же и задавалъ задачи, беря примѣры изъ окружающей жизни и изъ жизни крестьянскаго быта. Изъ задачника задачъ совѣмъ не было брато. Онъ же болѣе другихъ давалъ наводящіе вопросы и приводилъ испытуемыхъ къ рѣшенію задачъ.

Другіе экзаменаторы въ испытаніи по ариѳметикѣ участвовали весьма мало: развѣ только иногда напоминая экзаменуемому условія задачи или изрѣдка давая наводящіе вопросы. Задачъ дано было ими не болѣе двухъ-трехъ.

Замѣчательное умѣніе о. предсѣдателя подыскать подходящія данныя для задачи и составить самую задачу, прекрасная и живая работа его воображенія въ этомъ направленіи, какъ будто бы даже исключали необходимость участія другихъ экзаменаторовъ.

Одна изъ задачъ для рѣшенія (также устнаго) была дана сравнительно сложнѣе другихъ. Для удобства ученицъ предложено было записать условія задачи на доскѣ. Когда условія были записаны, предсѣдатель, давши ученицѣ одинъ-

другой вопросъ изъ записанной задачи, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, подозвалъ ее къ столу и далъ ей другую менѣе сложную задачу.

Первоначальная задача была дана вполне правильно и никто изъ экзаменаторовъ не замѣчалъ, что „изъ нея ничего не выйдетъ“.

Совершенно напрасно корреспондентъ влагаетъ эти слова въ уста экзаменатора!

Однимъ изъ экзаменаторовъ, съ которымъ намъ пришлось разсуждать по этому поводу, задача эта была рѣшена и рѣшеніе получилось правильное.

Всѣ задачи были весьма просты и доступны пониманію и рѣшенію испытуемыхъ. Но какъ это рѣшеніе далеко въ дѣйствительности было отъ быстроты! Какъ далеко не было оно такъ блестяще и изумительно!

Слушая отвѣты по ариѳметикѣ у насъ невольно вырвалось замѣчаніе, обращенное къ комиссіи: „Оказывается, по ариѳметикѣ изъ всѣхъ школъ отвѣчаютъ плоховато“.

Конфузъ экзаменаторовъ, ихъ неловкое положеніе и т. д.—все это беззастѣнчивая ложь корреспондента.

Задачи о. предсѣдатель задавалъ воодушевленно, взглядывая при этомъ на окружающихъ экзаменаторовъ. Не эти ли взгляды корреспондентъ принялъ за исканіе „помощи у членовъ комиссіи“ и за выраженіе неловкости положенія?

Человѣку, хотя немного знакомому съ законами душевной жизни, конечно извѣстно, что всякая душевная работа ума и чувства, а тѣмъ болѣе напряженная, какъ въ данномъ случаѣ, выражается во внѣ—въ мимикѣ и тѣлодвиженіяхъ. Выраженіе это у каждаго человѣка происходитъ сообразно всей его душевной и тѣлесной организаціи.

Много-ли надо умѣнія, чтобы отличить выраженное во внѣ напряженіе мысли и воодушевленія отъ выраженнаго же неловкаго положенія и стыдливаго исканія помощи?

Если человѣкъ (авторъ „Мы“) занимается пописываніемъ въ газетахъ и не можетъ въ этомъ разобраться, то его уму недозрѣлому можно только посоветовать не поуждать къ перу неумѣлыя руки.

Что касается до „бервна“, то дѣло фактически обстояло такъ. Одной изъ ученицъ предложено было прочесть по Евангелію. Векорѣ же когда ученица еще не дошла до фразы: „бервна же, еже во оцѣ твоемъ не чуеши“, о. предсѣдателю былъ поданъ дѣловой пакетъ, присланный священникомъ соседняго села. Предсѣдатель тотъ часъ же, вскрывъ пакетъ, сталъ про себя читать его.

Одинъ изъ экзаменаторовъ въ это время писалъ на оборотной сторонѣ списка учениковъ своей школы удостовѣреніе, что они дѣйствительно обучались въ той школѣ. За чтеніемъ слѣдили: учительница, стоявшая сзади читавшей ученицы, завѣдующій-экзаменаторъ той школы и пишущій снѣ строки. Когда ученица подходила къ упомянутой фразѣ, слѣдующій экзаменаторъ, заинтересовавшись, что именно получилъ о. предсѣдатель, обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Первое чтеніе фразы слышали только учительница да я. Обратясь отъ предсѣдателя экзаменаторъ обратился къ читающей ученицѣ съ вопросомъ: „Какъ“? Ученица повторила всю фразу. Экзаменаторъ снова повторилъ: „Какъ“?.

Я, желая показать, что ученица читала правильно, кивнулъ головой, произнесъ исключительно одно слово «такъ». Правильность чтенія подтвердила и учительница. Экзамена-

торъ на это произнесъ: «развѣ такъ, бервно»? «Ахъ да, ну дальше!»—вотъ подлинныя его слова.

Предсѣдатель и экзаменаторъ, писавшій удостовѣреніе, только тогда обратили вниманіе на чтеніе ученицы, когда произошла остановка и ученица приступала къ дальнѣйшему чтенію.

Чтеніе ученицы два раза прерывалось, но буквально ни одного не было сдѣлано замѣчанія ей, что она читаетъ невправильно.

Означенные вопросы экзаменатора были дѣйствительно выраженіемъ сомнѣнія. Но въ чемъ?—это едва-ли можно правильно рѣшить? Усумнился-ли онъ въ правильности чтенія, или еще что мелькнуло у него въ мысли—неизвѣстно. Такъ это было мимолетно!

Сообщеніе корреспондента о заявленіи экзаменаторовъ всѣхъ, заявленіи двукратномъ, да еще единогласномъ—ложь.

Само собою разумѣется, что ничто иное, какъ гнусный вымыселъ представляетъ собою сообщеніе «Мы» о канфузливости экзаменаторовъ и ихъ якобы недоумѣнномъ пожиманіи плечами съ подразумеваемымъ восклицаніемъ.

Итакъ, не великая сама по себѣ замѣтка „Саратовскаго Дневника“ по нашему мнѣнію представляетъ собою удивительно-поразительное явленіе по своей беззастѣнчивой клеветѣ. Вѣдь надо же ухитриться такъ написать, чтобы была одна только ложь! Такъ и хочется закричать почтенному автору: «Послушай, ври да знай же и мѣру»!!

О. Ивановъ назвалъ замѣтку „Саратовскаго Дневника“ плодомъ досужей фантазіи. Этого мало. Фантазія эта—злая, низкая и недѣлая.

Вотъ ужъ именно по самой послѣдней модѣ скроена замѣтка!

«Юмористическое происшествіе»—замѣчаетъ въ Саратов. Дневникѣ «Слово» объ упоминаемыхъ экзаменахъ, какъ ихъ описалъ авторъ («Мы»). Хорошъ юморъ!

Наплевалъ человекъ («Мы») въ глаза своимъ ближнимъ да и закатывается хохотомъ!

Нравственно-ли?

Чѣмъ измышлять небывалое, автору замѣтки слѣдовало бы обратить вниманіе и сообщить читающему міру о той внутренней замѣчательно простой и душевной атмосферѣ, въ которой протекали экзамены.

Слѣдовало бы сообщить о той чисто отеческой нѣжности, съ какой обращался о. предсѣдатель (главное лицо экзаменовъ) съ экзаменуемыми дѣтьми. Съ какой лаской и любовью онъ разсуждалъ съ ними! Съ какими радостными и сіяющими личиками дѣти, обращаясь другъ къ другу, говорили: «Батюшка-то (о. предсѣдатель) называетъ насъ дѣтками; дѣтки, говорить»!

Опасенія и безпокойства за свой отвѣтъ, смущенія и обычной стѣснительности совѣтъ не было замѣтно въ нихъ.

Слѣдовало бы сообщить о той крайней любезности, съ какой предсѣдатель обращался съ учащими, какъ внимательнаго, сочувственнаго и довѣрчиво относился онъ къ ихъ объясненіямъ.

По окончаніи экзаменовъ о. предсѣдатель сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ пророчальныхъ словъ окончившимъ курсъ ученикамъ и ученицамъ.

Нѣсколько словъ благодарности и искреннее спасибо сказано было имъ и всѣмъ учащимъ.

Какой подъемъ духа произвело такое обращеніе о.

предсѣдателя среди учащихся! Не даромъ же одна изъ учительницъ (въ школахъ въ данное время экзаменующихся всѣхъ учительницъ), какъ выразительница мнѣнія всѣхъ учащихся съ глубокимъ чувствомъ признательности говорила послѣ экзаменовъ: «какъ я рада! какъ я, да и всѣ мы (учительницы) благодарны батюшкѣ (о. предсѣдателю)! Сколько я ни была на экзаменахъ, а такого добраго отношенія къ намъ учащимъ не видѣла!»

Быть не можетъ, чтобы корреспондентъ не зналъ объ этой благодарности учащихся о. предсѣдателю.

Мы увѣрены, что всѣ учительницы въ такомъ отношеніи къ нимъ найдутъ для себя прочную опору въ дальнѣйшей своей многотрудной учительской дѣятельности.

Вотъ что слѣдовало бы сообщить!

Можетъ быть корреспондентъ, увлекшись теченіемъ своихъ мыслей, ничего этого не чувствовалъ? Можетъ быть онъ даже и не хотѣлъ обращать на это вниманія?

Въ такомъ случаѣ обидно и горько становится за огрубѣлость человѣческой души, потерявшей способность испытывать возвышенныя чувствованія и воспринимать добрыя и отрадныя стороны жизни. Больно за человекъ, закрывающаго глаза предъ чистымъ и святымъ и выбрасывающаго изъ своего сердца въ окружающую жизнь одну грязь и нечистоту.

Священникъ *М. Соловьевъ.*

Церковно-школьныя торжества. 14 сего сентября въ дер. Софьинѣ, Сердобскаго уѣз. совершена закладка церкви-школы во Имя Святителя и Чудот. Николая въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Присутствовавшіе при семь духовномъ торжествѣ священно и церковно-служители во главѣ съ благочиннымъ протоіереемъ Гермогеномъ Дивногорскимъ, а также многочисленныя крестьяне прихода обратились, по телеграфу, къ Преосвященнѣйшему Гермогену съ просьбой повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества ихъ искренія чувства върноподданнической любви и преданности при ихъ молитвенныхъ пожеланіяхъ, предстательствомъ Угодника Божія святителя Николая, мира внутренняго и внѣшняго отечеству и мира и радости о своихъ подданныхъ Государю Императору.

О таковыхъ върноподданническихъ чувствахъ участниковъ духовнаго торжества въ д. Софьинѣ, Его Преосвященство 19 сентября представилъ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода—для доклада Государю Императору.

18 сентября въ Ново-Никольской церкви (на „Горахъ“) состоялось двойное духовное торжество—освященіе праваго придѣла въ церкви въ честь Казанской Иконы Божіей Матери и освященіе школы. Зданіе для школы выстроено вдовой купца Егоровой въ память своего мужа. Торжество началось освященіемъ придѣла, совершеннымъ Преосвященнымъ Гермогеномъ соборне съ городскимъ духовенствомъ; затѣмъ Владыка совершилъ Божественную литургію, а по окончаніи оной молебень. Во время совершенія молебна крестный ходъ во главѣ съ Его Преосвященствомъ направился въ зданіе школы—для его освященія. По освященіи школьнаго зданія, крестный ходъ возвратился въ церковь. Его Преосвященство обратился къ народу съ назидательнымъ словомъ, коимъ выяснилъ значеніе переживаемаго богомольцами Никольской церкви двойнаго торжества—освященіе церкви и ея помощницы въ дѣлѣ